

Ю. Куликов

ПЕТР ЗАИЧНЕВСКИЙ

Агитатор

Подольск. Люди в заплатанных зипунах и в рубахах навывпуск плотно сгрудились у крыльца единственного в городе двухэтажного дома.

Тучный господин в мундире коллежского советника что-то говорил собравшимся, изредка оборачиваясь к исправнику, стоявшему рядом на крыльце. Поодаль, возле нарядной коляски, вытянулись во фронт квартальный надзиратель и несколько будочников.

Молча, без шапок слушали крестьяне оратора. Им давно были знакомы и это обрюзгшее лицо и холёные руки. Даже мальчишки знали князя Оболенского, богатого землевладельца, уездного предводителя дворянства, обладателя не одной тысячи крепостных душ.

Чрезвычайный сход в Подольске был созван по его распоряжению. Причину никто не объяснил, и потому

каждый теперь старался пробраться поближе к крыльцу.

— С вами, друзья мои, будет все улажено по закону, — раздавался елейный голос князя, — уставные грамоты¹ в имениях составят полюбовно, по доброму согласию. Государь в каждом уезде поставил мировых посредников и указал им строго следить, чтобы земля между помещиками и крестьянами делилась по справедливости, чтобы в обиде никто не был. А ныне, — продолжал оратор, — повелевается открыть повсюду сельские и волостные выборные крестьянские управления. Опекать их поручено опять-таки мировым посредникам.

— А что, эти самые... мировые из мужиков, что ли, аль из чиновников будут? — крикнул из толпы кто-то.

— Избираются они из честных и добропорядочных землевладельцев уезда, — повысил голос предводитель. — Вот мы и собрали вас, чтобы представить посредников. Господин Поленов, господа Давыдов, Вердеревский, Демидов, пожалуйста!

На крыльцо поднялись четыре человека. Трое были в штатской одежде, один в офицерском мундире. Крестьяне рассматривали посредников с явным недоверием, словно фальшивый товар. Неловкое молчание затянулось.

— Перед вами исполнители государевой воли, защитники законности, ваши благодетели, — заговорил, наконец, князь Оболенский. — Воля, объявленная государем, — это святое слово, его нельзя толковать так, будто все теперь дозволено. Бог учит чтить государя и повиноваться властям.

— Волю сказали, а на барщину сызнова гонят! — раздался тот же голос.

Толпа вдруг ожила, зашумела.

— А выкуп-то, выкуп неслыханный, кому за землю платить? Все нам, мужикам!

— А лучший наш выгон пошто огораживают?

¹ Уставная грамота — письменное соглашение между помещиком и крестьянами о размежевании земель согласно Положению 19 февраля 1861 года.

— Управляющий снова оброк требует!

Исправник загремел ножами сабли. По его знаку на крыльцо кинулись будочники. Они стащили со ступеней старика, который тянулся к предводителю.

Оболенский поднял руку.

— Не будем препираться, — пропел он медовым голосом, — я сказал ведь... господа посредники для того и поставлены, чтобы законным путем разрешить споры. Прежде я был вашим отцом и благодетелем, теперь они. Во мне вы прежде находили барина и защитника, теперь найдете в них. Ну, а сейчас идите с миром домой. Готовьтесь в труде и молитве к устройству нового сельского и волостного управления.

Речь окончена. Предводитель спустился с крыльца, направляясь к коляске. На дрожках поместилась свита. Поезд тронулся, его замыкали полицейские. Через минуту вдали слышалось лишь цоканье копыт.

У крыльца наступила тягостная тишина.

— Ну, дед, что ж не выложил напрямки, чего хотел? — прервал молчание высокий чернобородый крестьянин, обернувшись к старику, тому самому, которого стащили с крыльца.

— Да ведь, чай, слышал исправника, покуда князя ожидали? «Будете, — говорит, — супротивничать, всех перепорю». А будошники-то? Они что злые псы!

Толпа снова загудела.

— Твоя правда, дед. У них сила, не у нас.

— Ан нет... Не у них! — раздался сочный молодой голос.

Все встрепенулись. Юноша в красной рубахе поднимался на каменные ступени. Ветерок шевелил русые кудри, полуденное солнце освещало простое круглое лицо с высоким лбом и темными умными глазами.

Откуда он взялся? Лишь немногие заметили, как полчаса назад на площади остановился четырехместный почтовый экипаж. Из него вышли офицер и молодая дама. Следом за ними, кряхтя, вылез старик в картузе. Все трое скрылись в дверях трактира. Что же, дело обычное. Через Подольск пролегает большой почтовый тракт на Тулу, Орел, Курск и дальше —

в южные губернии. А парень в красной рубахе? Еще на ходу прыгнул он с экипажа и долго стоял в стороне, а во время шумной перепалки с князем подошел ближе и затерялся в толпе.

— Люди добрые, долго ли дадите себя морочить! Кому верите?

Теперь голос молодца звенел, как колокол. Люди плотнее сгрудились у крыльца.

— Нельзя верить дворянскому предводителю. Он ведь первый в уезде помещик! Не ждите добра и от посредников мировых, они те же бары и за бары стоят, как только земли межевать начнете. На государя тоже надеяться перестаньте. Гадкую волю дал он вам, кругом обобраны вы, помещикам в угоду...

Слушавшие жадно ловили каждое слово.

— Речи диковинные! — крикнул старик, поднимаясь по ступенькам. Теперь уж никто не тянул его вниз.

— Ну, а кто ж, по-твоему, эту между должен проложить промеж барской да мужицкой землей, а?

— И прокладывать нечего! — ответил парень в красной рубахе. — Ваша земля... Вся ваша! Нет у помещиков прав на землю никаких, понятно вам?

— Самая правда, — вмешался чернобородый, — ничья земля, земля божья! Кто ее пашет, под тем и быть ей, куда пашет... Верно говорю?

Шум нарастал.

— А что насчет силы тут толковали, — продолжал молодец, сходя с крыльца, — так вздор все это! Сила вся в народе! Сколько их, помещиков да чиновников? Тысячи. А народ — это миллионы! Разве может кто народ одолеть, когда он разом дружно станет за правду?

Парень остановился. Вокруг него тотчас образовалось кольцо.

— А за правду стоять надо! — воскликнул он, поворачиваясь кругом. — Стоять крепко! Слыхали про Антона Петрова?

— Кто таков этот Антон, сказывай!

— Не здесь об этом говорить. Разве подальше отойдем...

Четверть часа спустя на пустыре за городом шла горячая беседа. Парень с жаром объяснял крестьянам: земля принадлежит им, управлять ею должна община, мир; верить в царя, надеяться на мировых посредников — гиблое дело. Он рассказал им о подвиге Антона Петрова из села Бездна Казанской губернии.

Разговор захватил юношу целиком. Наконец-то он стал лицом к лицу с сельским людом! В суровых бородатых лицах читал он негодование и видел доверие к себе. Легко и просто было ему с этими тружениками земли. А те засыпали его вопросами.

— А сам-то, сам-то кто таков будешь? — допытывался тот же старик.

Парень расхохотался.

— Спыхватился, дедуся! Да зачем знать-то тебе? Человек я... такой вот, как ты, как все... — И вдруг, нахмурившись, заговорил резко, отрывисто: — За правду стою! Не могу видеть, как баре народ грабят! Вот и вы стойте за правду, как Разин Степан стоял, как стоял Пугачев, как Петров Антон сложил свою голову. Да и как не стоять? К примеру, дворовых людей возьмем. Ну что им делать без земли?

— Сами добудем ее... землю, — слышался хриплый возглас. В круг вступил худощавый человек лет тридцати, по виду дворовый.

— Ну, а как думаешь добывать ее? — прищурился агитатор.

— А это на что? — и дворовый протянул вперед жилистые руки с узловатыми пальцами. — У помещика заберем, ведь не один я... Правду ты сказал, у нас сила!

— Эх, воин! — усмехнулся кто-то из толпы. — А против войска царского с чем пойдешь, с вилами?

— И то верно, — подхватил парень, — с вилами да с дубиной войска не осилишь. Правда, войско тоже из мужиков набирают, да только и нам сплеховать нельзя. Без оружия воевать пустое дело. А оно в городах. Вот и выходит, что крестьянам надо друзей в городах искать. А они есть там, их друзья. Не одни баре да слуги царские в городах. Вот и смекайте...

— А я ищу вас, господин Заичневский, — раздался вдруг насмешливый голос.

Юноша обернулся и увидел офицера, своего дорожного спутника.

— Вы, кажется, увлеклись, мой дорогой, — цедил он, злорадно улыбаясь, — а ведь экипаж ждет.

Словно кумач рубахи бросился в лицо проезжему молодцу. Казалось, он был готов кинуться на пришельца. Сдержался.

— Благодарю, господин... Шереншпигель.

— Шеренвальд! — резко поправил офицер и, круто повернувшись, зашагал по дороге.

А юноша снова обратился к своим бородатым друзьям.

— Поклон вам, люди добрые! Готовьтесь стать за правду.

Потом очень тихо добавил:

— Только остерегайтесь бунтовать, покуда нет еще меж вами приготовленности, покуда согласия полного по всем деревням не будет да силой не запасетесь. Памятуйте, о чем толковали сегодня. Может, еще доведется свидеться. Не поминайте лихом.

И, взмахнув рукой, зашагал вслед за офицером к городу, где ожидал его почтовый экипаж. На пригорке остановился, оглянувшись на крестьян. Те оживленно толковали о чем-то между собой. А еще через полчаса дорожная пыль заслонила от глаз путника город Подольск.

Дело единомышленников

На третьи сутки до родного Орла оставалось еще добрых сто верст и несметное количество ухабов. Студенту Московского университета Петру Григорьевичу Заичневскому не терпелось. Он спешил домой на летние каникулы. Хотелось скорее обнять родных, пожать руки друзьям, посмотреть, что делается в эти полные тревоги дни в губернии и особенно в деревнях.

Шел 1861 год. Весной, вскоре после объявления «воли», почувствовалось приближение грозы. Ощущал

ее и Заичневский. Ехал он в родные места полный радости и ожидания, жадно оглядывал каждый лесок, каждую деревеньку. Вдоль дороги буйно зеленели майские хлеба на крестьянских пашнях. Рядом с ними расстилались темные массивы запоздалой пахоты. Это помещичьи земли. Да, тульские и орловские землевладельцы не ждут нынче доброго урожая. Даже поздние посевы дались им нелегко. Поговаривают, что кое-где крестьян выгоняли на барщину при помощи войск. А что творится в Тамбовской и Казанской губерниях! Если так пойдет дальше, петербургскому тирану не усидеть на троне и года. При одной этой мысли Заичневскому становилось весело. Радовала и недавняя беседа в Подольске. Первый опыт! Нет, не так уж трудно объяснить крестьянину, что конец терпению настал и что пора всем вместе выйти на «доброе дело». Надо только, чтобы смелые люди дружно принялись за работу.

Конечно, предстоит борьба, и еще какая! Враг силен, в его руках власть, оружие, деньги, опыт и преданные престолу слуги. Взять хотя бы Шеренвальда. Сейчас он сидит впереди и дремлет. Его отвратительный затылок мозолит глаза всю дорогу. Еще в Москве непрощенный попутчик приставал с расспросами, а после Подольска вдруг затеял политический спор. Заичневский не сдержался и выпалил все, что накипело на душе.

— Неужели подобные мнения станете вы высказывать и впредь? — взорвался офицер.

— Проповедь этих мыслей, — отрезал холодно Заичневский, — я считаю задачей моей жизни, и проповедовать их я буду не только в деревне, но везде, где только смогу.

Собеседник злобно покосился и умолк.

«Неплохо заткнул я тебе рот, — думал Заичневский, поглядывая на офицера, — только черт знает, где ты его еще откроешь?»

Все дальше и дальше катился экипаж по пыльной дороге. Собеседники молчали. Заичневский часто оглядывался на чемодан. Там, в его глубине, около

300 экземпляров запрещенных сочинений. Если бы знал о них Шеренвальд!

На свой чемодан юноша возлагал большие надежды. Будет что почитать теперь орловской молодежи. Этой зимой он и его московские друзья славно потрудились. Больше всего Заичневский захватил с собой литографированных изданий лондонской Вольной типографии. Среди них есть такие вещи, как «С того берега» Герцена, «На новый год» Огарева, «Что такое государство» Энгельсона. Здесь же лежат сочинения западноевропейских философов и социалистов Бюхнера, Лорана, Прудона. Лучшие главы из книги Фейербаха «О сущности христианства» Заичневский переводил сам, сидя ночами напролет в маленькой комнате на Воздвиженке.

Да, два года в университете не пропали даром. Как все это началось?

Осенью 1858 года семнадцатилетний Заичневский, сын небогатого орловского помещика, полный жажды знаний, впервые вступил в стены Московского университета. Он избрал физико-математический факультет. Однако даже такие профессора, как Зернов и Брашман, не увлекли беспокойного первокурсника. И неудивительно. В общественной жизни России после крымского поражения чувствовалось что-то вроде подземных толчков — вестников землетрясения. Равнодушными к ним могли остаться только полумертвые.

Словно река в весеннее половодье, бурлила жизнь в университете. Незадолго до поступления Заичневского здесь начались студенческие сходки, в прошлом дело невиданное. Шумно обсуждались столкновения студентов с полицией и администрацией университета. Старые студенты рассказывали новичкам о скандальных историях с профессорами-консерваторами. Назревали новые столкновения. Студенты отстаивали свои права, добивались свободы сходок и студенческих организаций.

Заичневский с головой окунулся в университетские события. Накаленная политическая атмосфера

предреформенных лет и студенческие дела очень скоро отбили у него вкус к естествознанию и математике. Однако переходить на юридический или к филологам не хотелось. Преподавание там встречало всеобщее недовольство. Махнув рукой на профессоров, он занялся самообразованием. Лекции профессоров ему, как и многим, заменили труды по социологии, философии, истории. Пробудился горячий интерес к журнальной публицистике. На столе росла стопка книг, добытых у букинистов.

Не одну утреннюю зарю встретил молодой математик за чтением немецких философов Бюхнера и Фейербаха. Вся окружающая природа, как и отношение к ней человеческого разума, предстали перед ним в их материалистическом очертании.

Товарищи по факультету пожимали плечами, часто видя в руках Заичневского вместо лекций по физике или математике журналы со статьями о революционных событиях в Италии, о польском восстании или том «Всемирной истории» Шлоссера.

Еще в орловской гимназии появился у него интерес к истории. Там же впервые встретился он со словом «социализм». В университете Заичневский прочел запрещенные сочинения Герцена, где это загадочное слово встречалось чуть ли не на каждой странице. С тех пор начались жадные поиски.

Чего не удавалось достать в букинистических лавках, можно было добыть другим путем. Заичневский скоро стал усердным посетителем полулегальной «Библиотеки казанских студентов». Чего только не было там! Серьезные предприимчивые организаторы «Библиотеки» — студенты старших курсов Юрий Мосолов и Николай Шатилов держали на частной квартире, снимаемой за недорогую плату, несколько комплектов «Современника». Здесь можно было прочесть переписанные от руки статьи из «Колокола». Для лиц, пользующихся особым доверием, извлекались из тайников неопубликованные сочинения Белинского, запрещенные стихи Пушкина, Рылеева, Полежаева и, конечно, западноевропейская социалистическая литература.

— Хотите прочитать свежую вещь? — обратился как-то к Заичневскому худой юноша с огромными, немного грустными глазами.

Заичневский не раз уже встречал его в «Библиотеке казанских студентов». Оригинальный профиль и черные вьющиеся кудри выдавали в нем южанина. Заичневский назвал себя, протягивая руку.

— Аргиропуло, Перикл... с юридического, — произнес брюнет, отвечая с улыбкой на рукопожатие. Оглянувшись по сторонам, новый знакомый осторожно извлек из-за пазухи вчетверо сложенный номер «Колокола».

Это было зимой 1858 года. С тех пор завязалась их большая дружба. Аргиропуло родом грек, сын драгомана русской миссии в Турции, почти всю жизнь прожил в России и окончил гимназию в Харькове.

Друзей сблизило единство убеждений. В оживленных беседах выяснилось горячее желание обоих служить народу, бороться против помещиков и самодержавной тирании.

Не мудрено, что весной следующего года оба встретились на тайной сходке избранных читателей «Библиотеки казанских студентов». Мосолов и Шатилов обратились к собравшимся с предложением создать тайное общество. Они уже были исключены из университета за активное участие в студенческих беспорядках.

— Что же мы будем делать? — спросил Заичневский. — Как определили бы вы задачи общества?

— Я полагаю, — ответил Мосолов, — что первым нашим делом должен быть подбор людей надежных и стойких, готовых целиком отдать себя борьбе.

— Ну, а потом?

— Потом... мы должны серьезно и обстоятельно заняться политическим самообразованием и вместе с тем тщательно наблюдать за всем, что происходит в стране, чтобы в нужное время быть готовыми на дело...

— Все не то! — перебил Заичневский. Он вскочил с места и вышел на середину комнаты, ероша непокорные волосы.

— Что толку, — заговорил он с присущим ему жаром, — если мы, маленькая кучка людей, усядемся за книги и журналы, будем тратить драгоценное время на беседы да препираться в спорах? Этак мы можем проспять революцию, а я верю, что она близится!

— Недолюбливаю риторики, — тихо сказал Шатилов. — Говорите прямо, Заичневский, что вы предлагаете?

— Пора полным голосом звать людей, — гремел косматый богатырь, — будить их везде и всюду, действовать открыто, без страха. Нас услышат и поймут. Наступает такое время, когда на призыв откликнутся тысячи...

Заичневского поддержали некоторые из присутствующих. Однако руководители «Библиотеки» серьезно возражали:

— Вы забываете, Заичневский, что Россия не Англия. Здесь полицейский строй. За нами и так уже следят.

— Нас не должно это пугать! — спорил Заичневский. — Пусть пострадаем мы. На смену придут другие. Только так можно покончить с рабской покорностью. Если мы серьезно думаем о борьбе, так ведь ее пора уже начинать! Мы должны сплотить вокруг себя революционную партию и выпустить воззвание к народу...

Мосолов и Шатилов видели в Заичневском своего единомышленника, но в организационном вопросе и взглядах на методы действий все же твердо стояли на своем. Они называли позицию Заичневского безрассудной. Споры о задачах и уставе общества затянулись на несколько недель. Они закончились тем, что Заичневский со своими последователями покинул тайные собрания «Библиотеки», создав свой кружок. Решено было начать с тайной литографии. В середине 1859 года молодые пропагандисты с жаром взялись за дело.

С тех пор минуло почти два года. За это время кружок отлитографировал и распространил в сотнях экземпляров статьи из «Полярной звезды» и «Колокола». Были изданы не меньшим числом произведе-

ния западноевропейских утопических социалистов, распространены портреты Герцена, Огарева, декабристов, польского революционера Мерославского.

Сейчас, на пути в Орел, Заичневский мог пересчитать по пальцам города, куда рассылались эти издания: Москва, Петербург, Орел, Курск, Харьков, Киев, Чернигов, Лубны. К ним следует добавить города и села Нижегородской губернии, Тульской, Рязанской.

— Это уже кое-что! — шептал юноша, с гордостью оглядываясь на чемодан. — Пожалуй, мы вправе считать себя первыми издателями вольной прессы на русской земле, — вспоминал он слова своего друга.

Заичневский за эти годы крепко привязался к «греку», так называл он Аргиропуло. В ответ приятель иногда называл его Робеспьером. Что-то сейчас делает в Москве этот чудесный парень? Ведь это он добровольно взвалил на себя всю практическую часть литографирования и повел дело с необычайным умением и настойчивостью. Запрещенные сочинения издавались в частных литографиях под видом университетских лекций. Скоро Аргиропуло поставил всю работу на коммерческую ногу. Издания кружка продавались по дешевой цене и приносили доход. К таким вещам у «грека» было природное дарование, сочетавшееся с редким бескорытием. Недаром Аргиропуло был избран заведующим студенческой кассой. Вся выручка от продажи подпольных изданий шла на поддержку нуждающихся студентов.

А каких верных друзей помог найти Аргиропуло! Усердными переводчиками и переписчиками запрещенных сочинений были студенты Николай Славутинский, Вячеслав Манассеин, Аполлинарий Покровский, Александр Новиков, Петр Лебединский. Брат Заичневского Николай ввел в кружок таких талантливых и деятельных студентов, как Праотцев, Понятовский, Евреинов, Рубинский. С большим уважением относился Заичневский к Леониду Яценко. Этот одаренный молодой украинец с увлечением переводил на русский язык стихи Тараса Шевченко, а на украинский — статьи Герцена и Огарева. Переводы литографировались и рассылались украинским книгопродав-

цам. Ященко сотрудничал в журнале «Основа» и вел переписку со многими книгоиздателями.

С такими людьми хоть в огонь и в воду. Заичневский уверенно вел друзей к намеченной цели. Профессора не так уж часто видели его в аудитории, зато знакомая всем красная рубашка непременно маячила в студенческой гуще во время сходов. За своим главарем неотступно следовали Аргиропуло и другие друзья по кружку. Имена их уже давно попали в черный список ищейки-инспектора. Но была опасность посерьезнее. Впрочем, друзья только посмеивались, если заходила речь о путешествии по знаменитой Владимирке¹. Больше всех потешался сам Заичневский.

— Что-о-о? Запрещенные! — шептал он, бывало, запустив руку за пазуху кому-нибудь из друзей. — Не миновать вам Сибири, молодой человек! — И заливался громким смехом.

То были дни, озаренные счастьем большого труда на благо народа. По вечерам молодые люди собирались для чтения или беседы. Чаще всего это происходило на Воздвиженке в доме Татьяны Петровны Пасек, родственницы Герцена, либо в квартире Тимофея Степановича Славутинского. Сам Заичневский или кто-нибудь другой читал вслух новую статью из «Современника». Обсуждался каждый номер «Колокола». Почти всегда завязывался горячий спор, связанный с внутренним положением в стране и, конечно, с крестьянским вопросом. Правительство заканчивало работу по подготовке реформы. Многие ожидали больших перемен.

— Только не ждите ничего путного от правительства! — твердил Заичневский. — Ничего, кроме обмана, не будет. Помните слова Чернышевского: «Крайность может быть побеждаема только другою крайностью». На нашем языке это называется революцией.

Руководитель кружка резко осуждал Герцена за его упование на монарха.

¹ Владимирка — дорога, по которой конвоировали ссыльных и каторжников, отправляемых в Сибирь.

— Теряю уважение к Искандеру с каждым днем, — говорил он. — И что за охота рассыпать комплименты коронованному Собакевичу! Ради этого не стоило уезжать в Лондон.

Имена Чернышевского и Добролюбова произносились в доме Пассек с особым уважением. Вникая в «Антропологический принцип в философии» Чернышевского или обсуждая события в Италии, изложенные острым пером того же автора, друзья не замечали, как пролетала ночь.

Как-то в одну из поездок в Петербург, везя с собой полный чемодан запрещенных изданий, Заичневский и Аргиропуло остановились на квартире у Стопакевича, корректора «Современника». Тот привел их в редакцию. С тех пор начались встречи с Николаем Гавриловичем.

Чернышевский откладывал в сторону все дела, как только на пороге редакции появлялись редкие гости из Московского университета. С ними он был прост и серьезен. От Заичневского не ускользнул живой интерес руководителя «Современника» к университетским событиям, и он с увлечением рассказывал обо всем, что творится среди московской молодежи.

В беседе у стола, заваленного книгами и корректурами, часы летели незаметно. О чем бы ни говорил Николай Гаврилович: об искусстве, сельском хозяйстве, университетском уставе или европейской политике, всякий раз юные посетители покидали редакцию с еще большим убеждением — существующий порядок для современного общества стал нестерпимым. Ближится время, когда для его сокрушения понадобятся смелые люди, и тогда...

Впрочем, Чернышевский никогда не доводил этой мысли до конца. Глаза его словно говорили: «Теперь довольно. Дальше нельзя. Думай и решай сам».

Простодушного юношу поражало искусство, с которым Чернышевский уходил от острой темы, преобразаясь в скромного литератора, погруженного в книгу. Сколько раз пытался Заичневский заговорить о тайном обществе, о практических задачах револю-

ции! Напрасно. Чернышевский оставался непроницаемым.

— Загадка какая-то! — жаловался. Заичневский «греку», и однажды, на пути к Дворцовому мосту по Миллионной, сгоряча воскликнул: — Нет, это человек, конечно, необъятного ума, но слишком уж кабинетный!

Аргиропуло, как мог, возражал против резкости этих суждений, но пылкий друг не хотел и слушать. Заичневский глубоко чтит в Николае Гавриловиче революционного мыслителя. Называл учителем. Но он принадлежал к числу тех натур, которые наивную прямолинейность сочетают с бесшабашной отвагой и презрением к тактическому маневру в борьбе за достижение цели. Слишком пылкий и порывистый, он не сумел понять и оценить Чернышевского как политического борца и искусного конспиратора.

Не по сердцу была Заичневскому сдержанность, которую наблюдал он в среде литераторов, окружавших Чернышевского.

— Каков поп, таков и приход! — волновался неукротимый орловец. Он не выносил осторожности, но ощущал ее всюду: и в равнодушном, как ему казалось, взоре Некрасова, которого так уважал за смелую гражданскую лирику, и в молчаливой застенчивости Добролюбова, как-то не вязавшейся с боевым задором знаменитого «Свистка». Осторожностью и выдержкой веяло от остроумных реплик поэта Михаила Илларионовича Михайлова и от спокойного оптимизма его друга Николая Васильевича Шелгунова.

Заичневский не знал, что эти люди, в свою очередь, сдержанно относились к порывистому, не знающему удержу студенту москвичу. В те дни Заичневский горячо толковал своему другу Аргиропуло:

— Литераторы — народ полезный, они будоражат мысль, но не в их среде надо искать людей дела.

И они спешили на Васильевский остров, не обращая внимания на нарядную публику. Там, за рекой, под сводами бывших петровских коллегий, они попадали в знакомую среду. В столичном университете

кипела жизнь. Те же шумные сходки, студенческие «истории», что и в Москве.

— Вот она, молодая Россия! — радовался Заичневский.

Чернокудрый завсегдатай сходок, вдохновенный оратор и коновод молодежи, Николай Утин пришелся более всего по душе Заичневскому. Сошелся он и с его друзьями — студентами Михаэлисом, Покровским и Геном. В Петербурге издания московского кружка расходились молниеносно.

Связи расширялись. Много друзей приобрели Аргиропуло, Праотцев, Манассеин в Харьковском университете. Через харьковчан завязалось знакомство с киевскими студентами. Все искали объединения и жаждали деятельности. Только московское общество «казанских студентов» не проявляло себя ничем. Казалось, в нем все замерло, но это только казалось.

Весной 1860 года перед кружком Заичневского открылось новое поприще. Повсюду заговорили о бесплатных воскресных школах для фабричных людей, ремесленников и всякого трудового люда. Среди московских студентов разнесся слух, что в Киеве такие школы уже открыты.

Спустя два месяца, в один из воскресных дней, двери приходских училищ Москвы раскрылись для новых учеников. Тут были крестьяне с бородами, приказчики, мастеровые и подростки-подмастерья.

Нелегко далась эта победа. Поначалу Заичневский и его друзья обратились к профессору Тихонравову, который энергично вмешался в дело. Поддержали его и другие ученые, литераторы. После долгих увещаний попечитель учебного округа, наконец, сдался.

В классах тон задавали, конечно, студенты. Вячеслав Манассеин первый открыл урок. С волнением выводил он на доске буквы. В следующее воскресенье Заичневский повел в школы студентов Покровского, Новикова, Славутинского, Праотцева. С третьего занятия в работе участвовали уже двенадцать членов кружка и еще многие студенты-добровольцы, не принадлежавшие к тайному обществу. Заичневский настаивал на том, чтобы приступить к делу, не откла-

дывая в долгий ящик. Вместе с Аргиропуло он раздобыл несколько десятков экземпляров «Хижины дяди Тома» и сборника рассказов Марко Вовчка, и, когда ученики уставали писать буквы или складывать однозначные числа, юные учителя начинали чтение вслух.

Глаза учеников блестели радостью от вежливого обращения на «вы», а еще больше увлекало их чтение книг о горькой судьбе обездоленных. Затем начинались беседы.

Воскресные школы росли по всей стране. В одной Москве их насчитывались десятки. К концу 1860 года в работе школ принимало бескорыстное участие около ста студентов-москвичей. Никто не предвидел, что быстро растущему делу скоро придет конец.

30 декабря 1860 года как снег на голову свалился грозный циркуляр министра народного просвещения. Министр требовал установления строгого контроля за преподаванием в воскресных школах, а также за «благонадежностью» учителей.

— Остается только покинуть эти школы, — заявил Заичневский. — Только мы так просто не сдадимся. Создадим свои! Сделать это можно в деревнях. Для чего существуют каникулы?

Наступил 1861 год...

В западне

Рука канцелярского служителя старательно водит пером. На серой папке с бумагами одна за другой ложатся каллиграфически выписанные буквы: «О печатании и распространении запрещенных сочинений».

Верхняя часть обложки занята трафаретом. Надпись гласит: «Его императорского величества собственной канцелярии третье отделение». Чуть пониже мелким шрифтом набрано: «Экспедиции 1-й».

Чиновник отирает пот. Самое главное сделано. Остается лишь заполнить графу «Начато». Осторожно обмакнув перо, он аккуратно выводит: «16 октября 1859 года».

Графа «Окончено» пока остается пустой. Сегодня 15 июня 1861 года, но никто не может предугадать, когда завершится «дело». По-видимому, не накопилось еще достаточного количества бумаг. Впрочем, чиновнику безразлично. Его обязанность — завести новую обложку. Завтра «дело» снова ляжет на стол его сиятельства, а тут на беду оказалась чернильная клякса. Не интересует чиновника и имя студента Заичневского, упоминаемое чуть ли не в каждой бумажке, подшитой к делу.

У секретаря, которому он подчинен, тоже много своих забот. Кто отвечает за форму бумаг? Вот и сегодня секретарь скрепил своей подписью на нижнем крае листа важное предписание самого управляющего Третьим отделением графа Шувалова. Прежде чем отправить его, он не раз пробежал глазами ровные строчки:

«Его высокоблагородию жандармскому подполковнику г-ну Житкову.

С получением сего согласно высочайшему повелению от 15-го июня сего года касательно студентов Московского университета Петра Григорьевича Заичневского и Перикла Эммануиловича Аргиропуло, предписывается Вам, подвергнув аресту вышеупомянутых студентов и описав найденные при них бумаги, доставить оных в Санкт-Петербург в Третье отделение вместе с бумагами. Об исполнении чего неукоснительно сообщить...»

Жандармам, получившим предписание, понятно все. Заработала фельдъегерская почта, а через два дня резвая тройка мчала подполковника Житкова из Москвы в Орел. Машина Третьего отделения действует безотказно.

...Заичневский тем временем продолжал свое дело. Вот уже скоро месяц, как он в Орле. Среди молодежи давно разошлись нелегальные издания. Их не хватает, каждому хочется скорее познакомиться с Фейербахом, прочитать вдохновенные творения Герцена, обсудить в жарком споре социалистические теории европейских мыслителей. В дни, когда Россия пере-

живает опасный поворот, никому не сидится на месте. Особенно тем, кто не перешагнул еще на третий десяток. Среди таких много гимназистов, есть студенты, учителя и даже девушки из помещичьих семей. Они тоже жаждут приобщиться к большому делу. Только к какому? И как приобщиться? На эти вопросы не так просто найти ответ.

Точно с неба свалился взлохмаченный студент в красной рубахе. Этому неугомонному богатырю все ясно. Как горячо и убедительно говорит он о социализме, революции, о сельской общине и федеративной республике будущего! Сколько остроумия, пыла и неутомимой логики в его речах! Не мудрено, что юношество потянулось к нему.

Заичневский чувствовал, что стал душой орловской молодежи. Своих слушателей он покорял рассказами о французской революции 48-го года, о Бланки и Маццини, о теориях Бюхнера и Фейербаха. Атеизм, социализм, революция, сплетаясь в урагане красноречия, метко били в одну цель: существующий строй неизбежно рухнет, и час близится. А если заходила речь о героях 14 декабря, о «Колоколе» и «Современнике», десятки глаз впивались в оратора. Затаив дыхание ловили каждое слово.

Литературы не хватало. Заичневский в каждом письме просил «грека» о присылке новых подпольных изданий. В беседах убедали дни. А тут еще непрестанно глодала заветная, скрытая от многих страсть — потолковать с мужиками. Раза два в неделю Заичневский ездил домой — в отцовское имение либо в одну из соседних деревень. Там где-нибудь в полутемной риге или на берегу реки сходились бородатые слушатели. Проповедник в красной рубахе рассказывал им о самом святом: о воле, о жизни радостной и счастливой. И будто бы та жизнь уже не за горами. Надо только решиться всем, сообща выйти на бой против господ-кровопийц. Приносил он с собой и мудреную книжку — «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» — царский закон, что объявлен недавно. Получается и вправду, что кругом обманут мужик и воли нет никакой, а приготовили

ему сети новые, хитро сплетенные царем да чиновниками.

До чего же быстро находил Заичневский с крестьянами общий язык! Как это передовые, просвещенные люди не догадались до сих пор, что место их в гуще народа? Взять хотя бы Герцена. Столько писать о сельском мире, общине, так яростно клеймить нынешних аракчеевых и салтычих, а ведь ни слова к самому «государю народу»!

Впрочем, Искандер не виноват. Крестьянин неграмотен. С ним надо говорить устно. Притом совсем просто, забыв крылатые метафоры, без которых Герцен не может написать и пары строк. А потому он, Заичневский, говорил прямо от души. Поведал он мужикам и о Кандеевском восстании в Тамбовской губернии. Там, рассказывают, возили по деревням красное знамя.

В те дни он с восторгом писал в Москву к Периклу Аргиропуло: «Вот оно, красное знамя, начинает развеваться и у нас и осенять собою толпы собравшихся хотя и невооруженных, но все-таки на защиту великого дела социализма — общинного владения землей!!!»

Один раз Заичневский угодил прямо на крестьянскую свадьбу. Что же, неплохо! Вслед за тостом в честь молодых он стал говорить про «волю». Смолкла свадебная песня. Хозяева и гости окружили проповедника, а когда окончилась речь, бросились обнимать его. Каждый наперебой звал к себе. Пришлось переходить из дома в дом, и везде было полно жадных слушателей.

Все же одному вести дело трудно. Заичневский по ночам часто думал о своем кружке. Как мало, однако, еще надежных друзей, а ведь пора приступать к созданию всероссийского тайного общества. Начало как будто положено. Разъезжаясь на каникулы по разным городам и селам, московские друзья поклялись взяться за дело. Каждый обязался привлечь в общество несколько надежных студентов с таким расчетом, чтобы охватить все университеты России. Вместе с тем было решено везде, где только возмож-

но, создавать крестьянские школы и вести беседы с крестьянами. Это самый удобный путь для создания тайного общества. В случае провала все можно свести к делам невинным.

Аргиропуло и тут оказался на своем месте. Живо договорился с учителем воскресных школ Смирновым и пустил на литографию его буквари, разработанные по звуковому методу с приложением набора передвижных букв. Теперь всякий член кружка имеет у себя десятки букварей.

Как же все-таки быть с тайным обществом? Заичневский без конца ломает голову над этой проблемой. Вся надежда на тульский съезд. Дело в том, что еще в Москве деятели кружка договорились собраться летом в Туле. Туда же должны прибыть люди, заранее подобранные каждым из товарищей. Работа пока только начата. Больше всего приятели пишут о крестьянских школах. Вот, например, Иван Понятовский из Кузьмищева Тульской губернии. Учеников у него больше пятидесяти, «и всё славные мальчишки». Посмотреть бы, что это за «ребятишки». Ведь перед каникулами сговорились, что «мальчишки» могут быть и с бородой по пояс.

Утешительные вести шлют Праотцев, Славутинский и сам Аполлинарий Покровский, инициатор создания таких школ. Ему давно пришло в голову создать все-российское общество, которое с фасада выглядит школой, а внутри меч обоюдоострый заложен.

Словом, дела пока идут недурно. Только проклятая полицейская слежка портит кровь. Первым напакостил, конечно, Шеренвальд. Вскоре Заичневский узнал, что отца вызывает к себе губернатор. Григорий Викулович вернулся домой расстроенный, а на другой день в отцовском кабинете шел серьезный разговор. Оказывается, у губернатора на руках конфиденциальное письмо от московского обер-полицмейстера. Отец запомнил его слово в слово.

«Выехавший на днях отсюда в имение своего отца помещика Орловской губернии Заичневского студент здешнего университета Петр Григорьевич Заичневский

намерен распространять мнение в народе и первое всего в имени своего отца, что вся земля помещиков принадлежит бывшим их крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости».

Итак, полиция не дремлет. Ну и что же, пусть! Бояться ее не надо. Открыто надо действовать, лишь в этом залог успеха. А с отцом разговор был коротким. Григорий Викулович хоть и слывет либералом, но страсть как трусит. Грозился отречься от сына и прогнать из дому. В ответ сын только пожал плечами и ушел, грохнув дверь.

Само собой разумеется, он не знал и сотой доли козней, из которых сплеталась жандармская западня. Ему не приходило в голову, что на берегу Фонтанки, в доме, мимо которого жители Петербурга проходят с опаской, тщедушный чиновник уже полтора года подшивает в дело листок к листку, а в них...

Нет! Заичневский не станет терзать себя опасениями. Такие люди идут напролом. Их девиз — бой с открытым забралом.

В один из первых дней каникул Заичневский случайно очутился в гуще избранных землевладельцев губернии. За богато сервированным столом — предводитель дворянства и прочая местная знать. Любопытно, что в своем кругу они не прочь полиберальничать. После нескольких бокалов дело дошло даже до разговоров о социализме. И тут какому-то ожиревшему плантатору взбрело в голову поносить борцов за общественное счастье. Смакуя осетровый балык, он возвестил, что-де французские социалисты в 1848 году на практике показали свою несостоятельность.

Заичневский, до сих пор только подававший реплики, вдруг поднялся.

— О том, чего не знаешь, лучше молчать! — вспылал он.

Теперь уже никто не мог удержать его. С разинутым ртом слушали орловские собакевичи и маниловы дерзкую речь «красного». А тот увлекался все больше. Рассказав о революции 1848 года, он перешел к положению крестьян в России и закончил похвалой Антону Петрову. На минуту воцарилась гро-

бовая тишина. «Благородные» переглянулись и встали. Ни один не стал возражать. Молодой оратор, оглядев почтенное собрание, громко захохотал и исчез.

«Одним словом, скандалов столько, что и не перечить, — писал он в Москву Периклу Эммануиловичу, — а я еще ничего не говорю о скандалах с маменьками и тетеньками, у которых есть дочери. Молодежь, однако, слушает с восторгом речи об эмансипации женщин».

Кажется, написал напрасно. «Грек» встревожился не на шутку и с первой же почтой прислал письмо, в котором умолял об осторожности. К чему это? Вот уж не ожидал подобной робости.

«Проповедовать не значит бунтовать», пишешь ты, дорогой «грек»? А что же тогда делать и где же, по-твоему, проповедовать? Неужели только дома, сидя на печи?

И в Москву летит новое письмо. «Oge e sempre! ¹ — девиз Маццини и всей «Молодой Италии». Oge e sempre! — не должен ли быть и нашим девизом? Мы, социалисты, не обязаны ли везде и всегда проводить те идеи, которые в настоящее время составляют достояние весьма немногих людей... Пора! Настало время показать этим господам, что истина не на их стороне, что скоро, скоро рухнет окончательно строй, к которому они принадлежат».

Беда грянула, как всегда, неожиданно.

Однажды под вечер Заичневский возвращался из Орла в имение отца. Переступив порог, он тут же наткнулся на голубые мундиры. Мигом понял все. В голову ударила мысль: «Не успел уничтожить последних писем от друзей! Теперь поздно...

Со скоростью ветра несла его тройка в Петербург. По бокам жандармы. А дальше — лязг засовов, решетка... непрерывные допросы... бессонные ночи.

В тот же день, 22 июня, в Москве был схвачен Аргиропуло, а позднее — Покровский, Понятовский, Новиков, Яценко, всего девять человек из кружка.

¹ Везде и всегда! (итал.)

Скоро наступит день

По улице, проклиная липкую грязь, идут прохожие и озираются на крохотное окно, забранное решеткой. Они видят пару рук, стиснувших железные прутья. Больше ничего. И прохожие инстинктивно ускоряют шаг. Еще один страдалец! Кто бы это? Видать, детина немалого роста. Не каждый дотянется до решетки.

В полутьме камеры трудно разглядеть взлохмаченного человека. Он прильнул к кирпичам скошенного оконного проема. Ухватившись за решетку обеими руками, невольник смотрит на облака, плывущие над Москвой. Взгляд полон гнева, а губы шепчут страстные слова:

— Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны, которые, следовательно, стоят враждебно одна другой... снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, народа угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти...

Узник рывком отделяется от окна. Шагает по тесной камере из угла в угол, не переставая говорить.

— ...это всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия-народ! Сверху над нею стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это помещики, предки которых или они сами были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу...

Тишина. Три шага в один угол. Три — в другой. Затем снова звучат слова. Звук стремительно нарастает. Рвется наружу. Ему тесно в камере.

— ...Это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке... Это купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом... Это чиновники, накрывшие себе состояние... Одним словом, все имущие, все, у кого есть собственность родовая

или благоприобретенная. Во главе ее царь... Ни он без нее, ни она без него существовать не могут.

И уже во весь голос, так, что слышно даже в коридоре за тяжелой дверью:

— ...Она понимает, что всякое народное революционное движение направлено против собственности и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя — царя. Это партия императорская!

Полная тишина. Заичневский озирается кругом. Он словно ловит угасший звук своего голоса. Записать бы все это! Но под рукой ни клочка бумаги. Обессиленный, падает на скамью и, вытянувшись во весь рост, думает... думает...

Март 1862 года. Девять месяцев юноша томится в неволе. Теперь он уже в Москве, в камере Тверской полицейской части. С ним разделяет участь верный друг Аргиропуло. Только сидят они порознь. Многие испытали оба за это время. Сначала мучили допросами жандармы Третьего отделения. Потом для расследования дела «о печатании и распространении злоумышленных сочинений» создали специальную комиссию из чиновников сената. В поисках нитей «заговора» изобретали каверзные вопросы. Напрасный труд! Девять товарищей Заичневского держались стойко. Нет, они не печатали и не распространяли ничего, кроме университетских лекций, а разве это запрещено? Найденные при аресте крамольные сочинения попали к ним совершенно случайно. Кто купил у разносчика, а кому подсунул какой-то «неизвестный студент». Зачем брали? Просто так, поинтересоваться. Откуда известно, что разрешается, а что нет?

Аргиропуло, бедняга, не смог выкрутиться. Слишком много улик. Письма, множество литографированной продукции. Ну что же? Да! Заказывал частным литографам вместе с лекциями и другие сочинения... без всякого умысла, лишь для поддержки нуждающихся студентов. Ищейки не отставали. С пристрастием допрашивали о типографском станке, который

«грек» купил за девяносто девять рублей у студентов Сулина, Сороко и Петровского-Ильенко. Пришлось изобретать легенду о незнакомом господине Киро-Дежане, который проездом через Москву якобы попросил его взять на себя труд комиссионера...

Не помогло. Враги уцепились за улику. Заскрипели перья протоколистов. Аргиропуло боролся до последних сил, но что можно сделать? Счастье еще, что Славутинский успел предупредить многих товарищей, и те перед арестом уничтожили переписку. Могли раскрыть тайну тульского съезда! Правда, в одном из писем, захваченных у Аргиропуло, вскользь упоминалось о нем. И тотчас вопрос:

— Скажите, что подразумевали вы под встречей в Туле?

— Летом этого года, — записывает протоколист, — я собирался побывать в провинции и по пути навесить своих друзей в Туле. Никакой другой цели, кроме того, чтобы свидеться, не было.

«Отдать под суд», — решает комиссия.

Самым лакомым куском для нее явился «главарь подпольных издателей». Тут было чем поживиться. Не зря поработали жандармы. На столе злополучная папка, а в ней, бумажка к бумажке, тьма улик. Тут и донос о тайных посещениях Заичневским литографа Ивана Комарова в 1859 году и рапорт о выступлении его на панихиде 17 марта 1861 года по поводу расстрела демонстрации поляков. А вот сообщение орловского губернатора о доносе Шеренвальда. За ним подшиты показания разных сыщиков о «бунтарских речах» в деревне.

Зловеще шуршат бумажки. Следователи умышленно затягивают паузу. Что-то скажет теперь «бунтовщик-социалист»? Но тот и не думает отречься. Не таков Заичневский. В упор смотрит он им в глаза.

— С социализмом познакомился на гимназической скамье, — режет он без всяких окольных, — и твердо убежден, что общинный строй, мирское самоуправление есть самый лучший путь общественного развития.

Следователей больше всего интересует пропаган-

да среди крестьян. И юноша смело бросает им в лицо:

— Мне случалось говорить с крестьянами в Подольске и в некоторых деревнях Орловской губернии. Я указывал им на несправедливость налагаемой платы на землю, на самую несправедливость личного и потомственного владения землей и, как противоположность этому противоестественному состоянию, поставил общину.

— Признаете вы, что призывали крестьян к открытому возмущению?

— К этому не призывал. Я допускал уже, что возмущение произведено, и указывал только на безрассудство возмущения без оружия.

И так далее. Инквизиторы не могут скрыть радости.

— Чего же еще? Вот он, государственный преступник!

Заичневский идет напролом и не ждет пощады. Он презирает царских прислужников. Никогда не допустит колебания или страха.

И вот теперь, в ожидании суда, он томится в полицейском доме, но о суде не думает. Есть дела посерьезнее. В Москву его доставили вместе с Аргиропуло еще в ноябре прошлого, 1861 года. Других товарищей за недостаточей улики отпустили на поруки. Надо сказать, здесь, в Москве, положение его, как заключенного, куда легче, чем в Северной Пальмире. Сюда, в полицейскую часть, начальство допускало друзей для свидания. Следовательно, можно было продолжать свое дело. Выводили даже на прогулку по городу под предлогом посещения бани. Можно было встретиться и побеседовать с нужными людьми. Иногда в темницу приходили малоизвестные посетители — те, кто сочувствовал движению, или просто любопытные. Раза два подъезжали в экипаже какие-то нарядные дамы, передавали цветы и фрукты. Но они мало занимают Заичневского. Другое дело — светлокудрая девушка, с которой его познакомили на бульваре. Солдат отошел в сторонку, а они сидели на скамье под липами. Зовут Аней. Фамилия — Можж-

рова. Гимназистка. Как нежно смотрела она своими чистыми, умными глазами! И как ловила каждое слово! Конечно, говорили о народе, о будущем России, о революции. Ненавидит монарха и плантаторов. Настоящий человек, и, быть может... Что? Мысли о браке! И это теперь, когда... ай-ай, вот так революционер!

Лязгнул засов. Часовой впустил Аргиропуло. Они видятся ежедневно. Перикл страшно похудел и оброс. Болезнь подтачивает его силы. Чахотка. Едва ли несчастный выдержит. Но мужество не покидает его. Глаза загораются лихорадочным блеском, когда речь идет о борьбе.

— Какие новости, Робеспьер?

Пожав руку, падает на единственную скамейку.

— Что слышно о наших ходатаях?

— Ничего! Боюсь, как бы не сцапали Покровского с братьей.

Разговор идет о товарищах по кружку. Они составили ядро московской студенческой делегации к министру просвещения. Во главе ее друг Заичневского, Аполлинарий Палладиевич Покровский. Цель — подать адрес и добиться от министра уступок для студенчества и пересмотра университетского устава.

Вопрос этот встал в дни осенних студенческих волнений 1861 года. В то время Заичневский и Аргиропуло сидели еще в Петропавловской крепости. Но до них долетали слухи о закрытии Петербургского университета и двух факультетов в Москве, гонениях на молодежь в других городах. Оба вспоминали московских друзей.

— Наши, наверное, тоже ввязались в драку, — говорил Заичневский.

Он не ошибся. Отпущенные на поруки Покровский, Понятовский, Новиков, Лебединский, Яценко вместе с остальными кружковцами возглавили левое крыло движения. Два месяца бушевали сходки. Московская полиция и профессорский совет растерялись. Главным оратором на сходках и демонстрациях был Славутинский.

В октябре начальство университета и полиция пе-

решили в наступление. Перед домом генерал-губернатора произошло избиение студентов. Тверская полицейская часть до отказа была набита арестованными. А дальше — следствие, массовые исключения, административная высылка.

— Ничего у нас не выйдет, друзья, — смеялся Заичневский, когда ему рассказали о планах отправки депутации в Петербург, — разве таков путь нашей борьбы? Горбатого исправит только могила!

Но тут родилась новая мысль, заставившая его согласиться на поездку. Покровскому и его спутникам Понятовскому, Евреинову и Рубинскому поручили связаться в Петербурге с «партией» Николая Утина. Пора строить давно задуманное всероссийское революционное общество.

С момента ареста Заичневского произошли события огромной важности. Летом 1861 года по городам распространились три прокламации «Великорусс», взбудоражившие не только демократическую часть общества, но и либералов (впрочем, те сразу же перетрусили и заявили о своей непричастности к этому делу). Той же осенью среди молодежи ходило по рукам зажигательное воззвание «К молодому поколению». Оживилась работа лондонской типографии. Герцен все более решительно поворачивал в сторону боевого действия и рвал с либералами. Вместе с Огаревым он громко заявил: «Крепостное право отменено! Народ царем обманут!» В июле 1861 года читатели «Колокола» увидели на страницах журнала воззвание «Что нужно народу?».

А как росло боевое настроение в Польше! Там назревало вооруженное выступление. «Если бы объединить его с русским народным восстанием!» — мечтали передовые люди. Правда, в России крестьянские бунты понемногу стали утихать, но подождите, что будет весной 1863 года, говорили многие.

— Страна идет верным курсом, — ликовал Заичневский. — Быть революции! — В это он твердо верил.

«Императорская партия» жестоко огрызалась. Бросили в Петропавловку поэта Михайлова, схватили

отставного офицера Владимира Обручева. Аресты продолжаются. Все за прокламации, наверное. Ничего! Ближко возмездие, пусть это знают монарх и его клика.

Смушало только одно. Где же в России руководящий комитет действия? Если он есть, то почему молчит, не заявит о себе по всей стране? Одно это удвоило бы силы революции, казалось юноше. Он жадно вникал в каждую строчку Чернышевского. Видел, какую титаническую борьбу ведет учитель с «императорской партией». Неужели в одиночку действует?

Вопрос этот Заичневский без конца обсуждал со своим другом. Аргиропуло склонен был думать, что революционного центра пока не существует, но вот-вот должен появиться.

— Доказательством служат прокламации, — говорил он. — Ведь кто-то их печатает и распространяет. Мы только не знаем кто.

— Нет, это не та литература, какая нужна сейчас, — кипел Заичневский. — Не согласен я с «Великоруссом». Много пустого либеральничания наряду с громадным успехом.

— Ну, а другие воззвания?

— Тоже плохи! Нет в них полного выражения революционной программы.

Только две прокламации вызывали шумное одобрение у Заичневского. Это воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и такое же воззвание, адресованное солдатам. Авторы неизвестны.

— Вот как надо обращаться к народу!

Оба воззвания дошли до Заичневского и его друзей по счастливому стечению обстоятельств. Оказывается, хорошо знакомые им московские студенты Сулин, Сороко, Петровский-Ильенко и Гольц-Миллер давно издают запрещенную литературу. Это они издали известный всем «Разбор книги барона Корфа», написанный Огаревым. У студентов был сначала деревянный станок. Потом они приобрели металлический. Деньги на это дал сотрудник «Современника» поэт Михайлов. Тогда он был еще на свободе. Михай-

лов же передал им в Петербурге для набора прокламации «Барским крестьянам» и «Солдатам». Составителей не назвал. Ну что же, москвичи набрали пробный экземпляр, и только. Все дело погубил доносчик Всеволод Костомаров. Случилось это весной 1861 года. Схватили Михайлова. Сулин с товарищами тоже пострадали. Следствие по их делу шло одновременно с делом Заичневского. Взгляды и судьбы сплелись прочно. Они вступили в кружок Заичневского. Перед самым арестом Сулин продал станок Периклу Аргиропуло. Но было уже поздно...

Итак, всю работу надо начинать снова. Заичневский мечтал о создании Центрального революционно-го комитета. В голове рождался проект манифеста революционной партии России.

Вот и сегодня ему так хочется поделиться своими мыслями с другом.

— О чем, интересно, ты так расшумелся сегодня? Даже до меня долетало.

— Манифест вынашиваю!

Заичневский шагнул к окну и взялся за решетку. По небу ветер гнал облака.

— Револючки все способствует в настоящее время, — начал он, — волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весной 1863 года, когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами, а тут еще носятся слухи о новой войне, поговаривают, что государь поздравил уже с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода...

Заичневский перевел дух и, не оборачиваясь, продолжал. Долго еще звенел могучий голос, ударяясь о стены тесной камеры. Вдохновение трибуна окрылило юношу. Весомые, дерзновенные слова, казалось, сами слетали с языка.

— Скоро, скоро наступит день, когда мы поднимем великое знамя будущего, знамя красное, и

с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» двинемся на Зимний дворец!..

Но вот умолк. Не отрывая глаз от весенних облаков, стоял в глубокой задумчивости.

А когда, наконец, обернулся к другу, едва не вскрикнул. Аргиропуло лежал на скамье лицом вниз, приложив платок к губам. Алые капли забрызгали тетрадь, лежавшую на полу. Его унесли в другую камеру. Ночью у «грека» начался жар, приступ кашля и сильное кровотечение.

Заичневский достал из кармана подобранную тетрадку. Вдохновенная речь была записана почти слово в слово.

Мы требуем!

Через три дня прибыли Покровский, Понятовский и Рубинский. Евреинов остался в Петербурге. Свидание с Заичневским произошло в камере Аргиропуло. Ему стало совсем плохо.

— Из адресной затеи, конечно, ничего не вышло, — рассказывал Покровский, — министр не принял студенческой депутации, зато главную задачу, скажу прямо, выполнил недурно.

И друзья рассказали о своих встречах с петербургскими революционерами. На квартире знакомой всем учительницы Варвары Александровской они откровенно побеседовали с Николаем Утиным и Александром Слепцовым. Кроме них, там были студенты Гогоберидзе и Пантелеев. Петербуржцы с интересом отнеслись к предложению объединиться и создать Центральный революционный комитет. Только почему-то не спешили с окончательным ответом. Может быть, их смущал вопрос, за кем остается главная роль, за москвичами или людьми столицы?

— А вы спросили, есть ли у них программа?

— Интересовались. Ответ какой-то неопределенный. Больше всего нравится им воззвание «Что нужно народу?».

— Вы шутите! — нахмурился Заичневский. — Да

разве это программа? Все это Герцен с Огаревым. Узнаю манеру «Колокола» — угождать всем, от барина до мужика. Где же разбор современного политического и общественного быта России? Где проведение тех принципов, на которых должно строиться новое общество? Где... впрочем, валяйте дальше.

Приезжие рассказали, что встреча закончилась сердечно. Петербуржцы обещали держать постоянную связь, просили присылать литографированные издания.

Заичневский выпрямился во весь рост.

— Кажется, ясно! — заговорил он тоном, не допускающим возражений. — Конечно, у них там кое-что делается. Но настоящей организации, как видно, нет. Придется все-таки нам начинать это дело. Оно ждет решительных людей. Готовы ли вы? Согласны ли пойти на бой? Если да, слушайте!

Где взять Центральный революционный комитет? Вот он! — и Заичневский показал рукой на товарищей. — У нас наберется еще человек двадцать пять, не так ли? Конечно, пока еще мы не комитет, но станем им, если сумеем сплотить вокруг себя сторонников революции. Откуда взять программу? Вот проект!

Из-за пазухи появилась тетрадка, забрызганная кровью. Заичневский раскрыл ее. Теперь она была исписана целиком. Под сводом темницы потекли звуки, полные меди и серебра.

— Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем власть должна перейти в руки Национального и областных собраний...

— Мы требуем...

Пункт за пунктом зачитывались требования манифеста, который должен выйти за подписью «Центральный революционный комитет».

Порой разгорался жаркий спор. Для окончательного редактирования пришлось собраться несколько раз. Камера Заичневского оставалась доступной для посетителей, а за взятку полицейская стража пропускала друзей даже в неурочное время. В обсуждении

приняли горячее участие новые члены кружка: Сулин, Сороко, Иван Гольц-Миллер. Дебаты закончились только к 7 апреля. Заичневский торопил друзей. Надо было еще организовать издание, а дело это опасное и трудное.

Манифест выдвигал требования демократической федеративной республики, общинного землевладения, организации общественных фабрик и лавок, выборности суда и органов власти, замены армии милицией, уравнивания женщин в правах с мужчинами, равноправия наций и отделения Польши, справедливого распределения налогов, общественного воспитания детей, обеспечения больных и престарелых.

Этой одной из первых социалистических программ в истории России было суждено увидеть свет. Ее прочитали сотни передовых людей страны.

Заичневский настоял на том, чтобы в манифесте была дана оценка и критика подпольных изданий того времени. Высоко оценивая «Колокол» Герцена и издание «Великорусс», он в то же время заявил, что они не смогли создать вокруг себя революционной партии. Он находил эти органы склонными к либерализму.

Составители манифеста четко определили силы революции:

«Мы надеемся на народ. Он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права...»

Народ — главная сила. Однако инициативу в восстании должны проявить войско и революционная молодежь. Заичневским же была внесена в манифест и усиленно пропагандировалась идея диктатуры революционной партии на другой день после победы восстания.

В манифест вошли пламенные слова, призывающие к борьбе, которые вынашивал Заичневский в течение стольких дней заключения. Они были полны боевого пафоса.

«...с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, кото-

рой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «В топоры», и тогда, тогда бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь...»

— Когда же отправим манифест петербургским друзьям? — спрашивали Заичневского.

— Посылать пока не станем! Сначала опубликуем. Пусть почитают. Послушаем, что скажут. Ведь манифест обращен ко всем и прежде всего к молодежи.

— «Помни же, молодежь, — цитировал наизусть Заичневский строки манифеста, — что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя надеется революционная партия!»

— Друзья! Предлагаю название — «Молодая Россия».

Если восстание не удастся...

— Что, если не удастся восстание? — произнес Славутинский, заканчивая писать под диктовку. — Сколько крови прольется напрасно! А результат? Снова восторжествуют враги. Еще ужаснее будет тирания. Вспомните Герцена...

— Опять Герцен! — поморщился Заичневский. — Если восстание не удастся, — подхватил он, ударя на каждом слого, — если придется поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот нетрепетно, бесстрашно и, кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!»

Слова эти целиком вошли в заключительную часть манифеста.

В середине мая над Петербургом по ночам стояло зарево. Горел Апраксин двор. То здесь, то там занимались новые пожары.

По городу бродили подозрительные субъекты и как бы невзначай бросали в толпу:

— Социалисты жгут Питер!

— Читали «Молодую Россию»? Воззвание поджигателей! Опасайтесь студентов! Берегитесь красного петуха!

Кто верил, кто сомневался, но были люди, которые мучительно думали, как парализовать полицейскую клевету.

...В полутемной комнатке конспиративной квартиры собралась утинская пятерка тайного общества «Земля и воля». Говорит Утин.

— «Молодая Россия» — смелый революционный манифест. Он верно выражает основные идеи и конечную цель нашего движения. Но Заичневский и его товарищи поступили опрометчиво. Они распространили всюду свой документ, вместо того чтобы заранее, обсудив вместе с нами, пустить его по тайным каналам среди людей вполне надежных. Ошибка! Но виноваты и мы. Почему не сообщили им о «Земле и воле»? Люди не знали всего. Поспешили взять на себя инициативу...

— Теперь не время об этом, — перебил кто-то. — Надо пресечь провокацию. Притом немедленно. По городу пущен слух о поджигателях. Требуют бросать всех студентов живьем в огонь, а ведь поджигает сама полиция...

Где только не толковали о «Молодой России!» Воззвание появилось сначала в Петербурге. Это было 14 мая. Полиция сбилась с ног. Через несколько дней чьи-то невидимые руки начали разбрасывать манифест на улицах Москвы, затем в других городах.

Страх и злобу вызвал манифест в рядах «императорской партии». Заичневский сознательно стремился к этому, и, покуда на лист бумаги ложились строки одна дерзостнее другой, он метался по камере, приговаривая:

— Побольше пороха! Так, чтобы всем либеральным и реакционным чертям тошно стало!

— Помилуйте, что же это такое! — вопили даже те, кто втихомолку позволял себе мечтать о конститу-

ции. — Для этих смутьянов нет ровно ничего святого: ни собственности, ни царя, ни религии. Они даже... попирают семью!

Действительно, Заичневский согласился включить пункт об уничтожении семьи и брака «как явления в высшей степени безнравственного». Предложение внес Гольц-Миллер. Другие поддержали. Для революционной России тогда еще не миновала пора утопических представлений о социализме, а утопистам во все времена семья казалась институтом, стоящим на страже частной собственности. Поэтому «Молодая Россия» провозглашала, что при сохранении семьи «немыслимо уничтожение наследства».

А каково было господам из привилегированных сословий читать такие, например, строки: «Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48-го года¹, но и великих террористов 92-го года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами 90-х годов».

Манифест ходил по рукам и, конечно, не миновал жандармов.

Багровые щеки и налитые кровью глаза начальства. Растерянность среди подчиненных. Да и как иначе? Где-то под боком у Третьего отделения действует Центральный революционный комитет. Он рассылет угрозы, дерзко пророчит гибель дому Романовых! Тут есть над чем призадуматься. На Фонтанке тревога.

Все это радует Заичневского. Если бы знали враги, что главный составитель воззвания у них в руках! Больше всего радует Заичневского то, что «Молодая Россия» встречена с восторгом в среде боевой демократической молодежи. Смелые люди идут с крамольным манифестом в руках к тем, у кого рассчитывают встретить сочувствие и поддержку: к журналистам, учителям, студентам, гимназистам. Идут и

¹ Авторы манифеста имели в виду Луи Блана и других деятелей революции 1848 года, скатившихся на позиции соглашательства с буржуазией и предательства интересов трудящихся.

к рабочим. Рассказывают, что в Петербурге студенты Медико-хирургической академии Хохряков, Беневоленский и Крапивин пытаются разъяснить рабочим смысл воззвания. Дело нелегкое. Малограмотным людям трудно одолеть мудреные слова, и юноши взялись составить специальный словарь, в котором толкуются такие понятия, как «деспотизм», «либерал», «конституция». Поступило сообщение, что группа столичных офицеров, человек в семьдесят, образовала кружок, цель которого содействовать «комитету «Молодой России». В других городах, таких, как Казань, Нижний Новгород, Харьков, манифест также встречает признание и одобрение со стороны решительных противников «императорской партии».

И все же Заичневский недоволен. Ему казалось, что с распространением «Молодой России» под знамя Центрального революционного комитета сразу начнут стягиваться полки негодующих, полных решимости борцов, и через какой-нибудь год...

А вместо этого при несомненном успехе манифеста в своих же рядах слышится резкая критика. И от кого? От людей, которые, казалось, безоговорочно должны были принять воззвание. Ведь программа «Молодой России» отражает их же идеи!

Заичневский не сразу понял причину.

Как и следовало ожидать, «Молодая Россия» оказалась в центре внимания людей, жизнь и помыслы которых всецело были направлены на создание революционной партии. Это была кучка смелых борцов, группировавшихся вокруг «Современника». Ее идейным вождем был Чернышевский. Связанная с целым рядом революционных кружков, разбросанных по городам России, а также с лондонскими издателями «Колокола», группа направляла свою деятельность на сплочение революционных сил. Работа эта, начатая еще накануне 19 февраля 1861 года, к моменту появления «Молодой России» уже завершалась. Складывалась всероссийское тайное общество «Земля и воля».

Как же обстояло дело с программой? Основные принципы ее уже определились на страницах «Совре-

менника» и отчасти «Колокола». Ядро «Земли и воли» и ее активные деятели на периферии были убежденными сторонниками утопического общинного социализма, знамя которого впервые поднял Герцен. Путь к социализму они видели только в низвержении крепостничества и монархии. И свершить его мог только народ. Землеволюцы горой стояли за крестьянскую революцию. Идею разрушения прогнившей дворянской империи Чернышевский проводил так искусно, что когда правительство спохватилось, было уже поздно. А тайные бесцензурные издания? Сколько важных вопросов поставлено было в них! Тут и конечные цели движения и вопрос о силах будущей революции и ее противниках, наконец, проблема создания революционной партии, методы ее борьбы.

Все эти издания были хорошо известны Заичневскому, да и не только ему.

В камере тесно и шумно. Сюда, кроме близких друзей, пришли люди, которым небезразличны вопросы, поставленные «Молодой Россией». Заичневский знает, что не они главные авторитеты, но до них, живущих на свободе, скорее доходят мнения людей, с которыми нельзя не считаться.

Идут горячие споры. Почти все в принципе согласны с манифестом, но есть и серьезные возражения по вопросам тактики. В центре собравшихся сам главный составитель воззвания, высокий, непоколебимый, громopodobный.

— Разве мы сказали что-либо новое? — говорит он, потрясая в воздухе листком воззвания. — Все это уже давно имеется в нашей подцензурной и особенно в тайной печати.

— К чему же тогда манифест?

— Как это к чему? — бушует юный гигант. — Ни одно из существующих изданий не может служить основным программным документом! Во-первых, все они либо анонимны, либо вышли под псевдонимом. Революционной партии пора заговорить прямо от своего имени. Не без конца же обращаться к народу от лица таинственных друзей и доброжелателей?

— А во-вторых?

— Во-вторых, ни одно издание не содержит полного выражения наших целей. Нет, уж если говорить о программе, ставящей конечные цели, так ближе всего к ней воззвание «К молодому поколению». Оно хоть и безыменное, но там выставлены социалистические требования. Слушайте: «Мы хотим, чтобы земля принадлежала не одному лицу, а стране, чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало... чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины...»

— Чего же требуем мы?

И он снова читает вслух:

— «Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин: на его долю, по распоряжению мира, назначается известное количество земли... Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не на пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель».

Заичневский оглядывает присутствующих.

— Мы не сводим экономической проблемы к одному земельному вопросу. Мы требуем завести общественные фабрики и лавки. Нельзя же отмахнуться от городов и забыть фабричного работника. Ведь его постоянно изнуряют работой, от которой выгоду получает не он, а капиталист! Разве не в этом состоит одно из важнейших требований социализма? Почитайте примечания Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Милля или его статью «Капитал и труд».

Наши политические требования, — продолжает Заичневский после минутной паузы, — более последовательны, нежели в возвании «К молодому поколению». Не понимаю, к чему эта дряблость и нерешительность? Хотят власти, действующей в интересах народа, и тут же пункт: сокращение расходов на царскую фамилию. Пять миллионов в год вместо пятидесяти! Нет, мы республиканцы. С Романовыми надо покончить навсегда. Федеративный союз свободно

управляющихся областей при сохранении на первых порах централизации — вот наша программа.

— Кто же, по-вашему, должен осуществить переворот в России, где главная сила революции? — спрашивают Заичневского.

— Главная сила — народ! Разве не ясно сказано это в «Молодой России»? Народ веками боролся за свое освобождение, ему и принадлежит главная роль в революции. Если хотите, я прочитаю снова: «Едва проходило несколько времени после поражения, и народная партия снова выступала. Сегодня забитая и засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику Русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения; она встанет с благородным Антоном Петровым — и против всей императорской партии». Слышите? Так и говорится: «за уничтожение чиновничества», «за надел землею», «за республику Русскую!» Это не слепая стихия бунта, а революция, имеющая политическую цель.

— Но кто же ее возглавит? Кто организует народ?

— Об этом уже подумали передовые люди нашего времени, — отвечал Заичневский. — Читали «Ответ Великооруссу»? Он подписан псевдонимом «Один из многих». Кто бы он ни был, вопрос поставлен верно. Автор пишет, что дело настоящих сторонников народа — организовать борьбу, возглавить ее. К этому он и призывает передовых людей. Но разве не к этому же зовет «Молодая Россия»? Ни в одном издании, претендующем на роль программы, вы не найдете требования диктатуры. Мы его выдвигаем. Но не подумайте, что это новость в нашей социалистической литературе. Загляните в «Современник» 1858 года. Там, в статье «Кавеньяк», известный всем автор упрекает французских революционеров сорок восьмого года в нерешительности, в том, что они не захватили власти и не установили диктатуры. Вспомните ранние статьи Герцена о той же революции. Разве нет в них

того же упрека? Мы решили извлечь уроки из ошибок минувшей французской революции.

Все жарче разгораются споры. Они очень полезны. С их помощью выясняется, что Заичневский и его друзья действительно не оригинальны. Их задачей было сконцентрировать все лучшее, что было в легальной и подпольной литературе и, переработав в виде манифеста, определить конечную цель движения, силы революции, дать оценку современным революционным изданиям, призвать к созданию революционной партии.

— Критиковать других очень полезно, однако и самим следует избегать ошибок, — раздаются голоса.

— Каких? Каких? — волнуется узник.

— Понимаете, Заичневский, вы ставите революционную партию в положение полководца, начинающего сражение без армии. У вас все правильно, пока речь идет о кульминации борьбы и о завершении революции. Но вы почти не задумываетесь над тем, как ее начать. Что же получается? Неприятеля, вооруженного до зубов, готового к бою, вы предупреждаете о близком сражении, сражении генеральном. Отлично! Но собственные наши войска ведь еще в глубоком тылу. Они не мобилизованы. На фронте только передовой отряд, маленькая горсть. Подобная тактика заранее обрекает революционеров на изоляцию и поражение. Ведь не станет же правительство ждать, пока мы соберемся с силами.

Заичневский не знает, что возразить на это. Особенно сильно поколебали его Утин и Слепцов. Оба они по совету Чернышевского посетили Тверскую полицейскую часть, специально приехав поодиночке в Москву. Было это еще в мае. Многие узнали от них тогда Заичневский и его товарищи. Разговоры, понятно, велись в строгой тайне. Составители манифеста «Молодой России» впервые услышали о «Земле и воле» как о всероссийской организации во главе с Центральным народным комитетом. Утин и Слепцов поведали о том, что Чернышевский назвал авторов манифеста «нашими лучшими друзьями», но со-

бирался в особой прокламации предостеречь их от преждевременных выступлений.

Теперь Заичневский с помощью деятелей «Земли и воли» мог лучше оценить обстановку в стране. А обстановка в начале 1862 года складывалась не в пользу революционной партии. Оправившись после крестьянских и студенческих волнений 1861 года, правительство переходило в наступление. Движение в деревне еще продолжалось, но шло на убыль. Только к весне 1863 года революционеры ожидали нового подъема. К тому же сроку ожидали восстания в Польше и Литве.

До этого времени революционерам важно было сохранить силы, не останавливая подготовительной работы в подполье. Необходимо было оттянуть наступление реакции. В интересах ожидаемой революции важно было продлить состояние политического кризиса, колебаний в «верхах».

— Вы совсем не думаете о тактике, — говорили Заичневскому.

Однажды в камеру Заичневского принесли свежий номер «Колокола». Славутинский читал вслух:

«Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся на это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем, а сердце дает такт».

Издатель «Колокола» встал горой на защиту «Молодой России», обвиняемой в «поджигательстве» и «кровожадности». Но Герцен все-таки не удержался от упреков. «Молодая Россия» казалась ему вариацией западноевропейского социализма. Ее авторы, по мнению Герцена, не вышли из рамок книжного понимания революции и по молодости лет увлечены риторикой. Программа должна быть понятна народу — без этого революционеры обречены на одиночество, и на их долю останутся одни заговоры, дворцовые перевороты.

Герцен был против открытой проповеди революционного насилия. Насилие порой бывает неизбежным. Возможно, так будет и в России, но «выкликать его в самом начале борьбы, не сделав ни одного мир-

ного усилия, так же нерасчетливо, как неразумно пугать им».

Главной ошибкой издателей манифеста, по мнению Герцена, была несвоевременность их выступления. «Всякое преждевременное выступление — намек, весть, данная врагу».

— Нет худа без добра! — не сдавался Заичневский. — Хоть и допустили ошибки, но все-таки неплохо, что вышел наш манифест. По крайней мере развязались языки, и теперь многое представляется в ином свете!

Действительно, многое прояснилось теперь для авторов «Молодой России». Оказывается, Герцен при всех заблуждениях в вопросе о насилии все-таки прав. Время для открытого объявления войны «императорской партии» еще не наступило. К тому же выяснилось, что Герцен активно поддерживает «Землю и волю», собирается печатать ее материалы.

А главное — выяснилось, что существует уже все-российская революционная организация! Цели ее те же, что и у «Молодой России». Значит, остается взяться за дело. К концу мая организация Заичневского уже вошла в состав «Земли и воли». На нее была возложена задача установления связи революционеров севера и востока России с Москвой. Работа закипела. В Поволжье, не теряя времени, отправились Покровский и Понятовский. Добились взаимопонимания и с бывшей «Библиотекой казанских студентов». Теперь это уже не замкнутый кружок, а московское отделение «Земли и воли». Все эти годы Мосолов и Шатилов готовили свою организацию к большому делу и теперь активно вели работу, подчиняясь главному центру.

Но по-настоящему развернуть дело не удалось никому. На революционное подполье со всей силой обрушилась царская полиция. Летом 1862 года были разгромлены основные силы «Земли и воли». Жандармы напали на след главных деятелей тайного общества. Начала работать следственная комиссия под председательством князя Голицына. Палачи вырывали из рядов революционной партии одного вожака

за другим. Тяжелые двери казематов захлопнулись за Чернышевским, Николаем Серно-Соловьевичем, Сергеем Рымаренко. Та же участь постигла многих других революционеров.

Июнь 1862 года. Заичневский опять лицом к лицу со своими врагами. Сенат вершит суд над красным агитатором. Царские судьи, конечно, слышали о «Молодой России». Кое-кто даже читал манифест. Но им и в голову не приходило, что перед ними стоит основной его автор. Заичневского судят за пропаганду среди крестьян в Подольске и в деревнях Орловской губернии.

Титулованные слуги империи ждут признания вины, раскаяния. Этого не дождутся! Гордо повторяет революционный вожак свои показания, данные в Петербурге во время следствия. Слово в слово.

Факты налицо. Остается подписать приговор. Лишение всех прав состояния, три года каторжных работ, пожизненная ссылка в Сибирь.

«Что, если не удастся восстание? — вспомнил Заичневский, когда сани мчались по Владимирке. — Как не удастся? Можно ли допустить такую мысль, если «императорская партия» не успевает казнить, ссылать, пытаться? А на смену павшим идут новые люди!»

Январь 1863 года. На пути в ссылку Заичневский подводил итог. Он был безрадостным. Юный революционер был свидетелем расправы над главными деятелями «Земли и воли». Всего месяц назад в тюремной больнице скончался замученный неволей незабвенный друг Перикл Аргиропуло. Жандармы выслали на север остальных участников кружка. Но это ненадолго! Заичневский более чем уверен, что скоро «удастся».

А сани мчались навстречу снежной метели. По бокам жандармы. Впереди суровая, холодная Сибирь.

«Русский якобинец»

Прошло много лет с тех пор, как Заичневский с кандалами на ногах перевалил Урал, полный уверенности, что темницы вот-вот рухнут. Быть может,

свобода встретит его еще на пути в Иркутск? Эта вера не покидала его и в те мрачные дни, когда в одежде каторжника выходил он на «большой тракт» и пристально смотрел вдаль. Завидев новую партию ссыльных, спешил навстречу. С жадностью выпытывал новости. Ждал революции.

— Только пришла бы поскорее она, давно желанная! — шептал он строки из «Молодой России».

Каторжные работы отбывал он в местечке Усолье на солеваренном заводе, что в пяти верстах от Иркутска. Начальство ненавидело непокорного узника. Однажды Заичневский устроил тайное свидание одного проезжего ссыльного с польскими соотечественниками, работавшими на том же заводе. За это в 1864 году Заичневского перевели в Витим Киренского уезда — самый северный и отдаленный пункт Иркутской губернии.

За годы каторги и ссылки Заичневский повидал многих революционеров. Встречался с Чернышевским. Учитель стойчески переносил гонения. Тяжелые это были годы! Некоторых каторга сломила физически, кое-кого — морально. Но малодушных немного. Большинство осталось в стане борцов. Особенно часто встречались Заичневскому ссыльные польские повстанцы. Они восхищали его стойкостью.

— Вот у кого нет расположения к гамлетовщине! — любил говорить он.

Кого-кого, а Заичневского Сибирь не сломила. Из ссылки он вернулся в Россию, полный энергии и решимости продолжать борьбу. Произошло это в 1869 году. Глухой таежный плен заменили неволей в российских губерниях.

Сначала поселили в Пензе. Глаза и уши соглядатаев следили за каждым шагом, ловили каждое слово. Вскоре начальство узнало, что поднадзорный дозволял себе в разговорах высказывать «мысль нераскаянная» и даже не раз говорил, что «при случае не прочь снова повторить то же самое».

— Непокорным нет места в губернском центре!

И Заичневский отправлен в маленький городишко Краснослободск той же губернии, затем в Мокша-

ны. Но ссыльный несправим. Допускает «свободные суждения» и, как доносят, возбуждает обывателей против администрации. Что делать? Пензенскому губернатору до смерти не хочется возиться с бывшим каторжником. Впрочем, выход найден. «Было бы осторожнее людям, подобным Заичневскому, — пишет губернатор министру внутренних дел, — нигде не давать укрепляться». Ловко? Пусть в Петербурге подумают, как быть дальше.

А в столице сидят просвещенные и хитрые администраторы. Нет, они пока не станут прибегать к репрессиям. Есть более тонкие средства. Возможно, «доброта» начальства смягчит «озлобленную душу»?

В 1872 году Заичневскому разрешено вернуться в свою губернию; и вот уже отцовский экипаж пылит по дороге.

Родной Орел. Близкие люди, друзья, сколько воспоминаний! Здесь десять лет назад Заичневский взбудоражил всю молодежь. В окрестных деревнях еще не забыты рассказы про «волю». А как дерзко, бывало, бросал он в лицо маститым аграриям «крайние суждения»! *Oge e sempre!*..

Губернское начальство теперь весьма снисходительно к Заичневскому. Позволяет приезжать из отцовского имения в Орел. Помнят ли Заичневского в Петербурге? Да, конечно. Только тех, кто с восторгом встретил «Молодую Россию», уже там нет. Высланы в разные концы Руси и те, кто, соглашаясь в главном, не мог простить юношеской неопытности. Зато процветает страшный дом на Фонтанке. Прежняя папка с аккуратно подшитыми бумагами сдана в архив. Вместо нее заведена новая.

Теперь об этом отлично известно поднадзорному орловцу. И что же, сдался? Сложил руки? Плохо они знают Заичневского!

Кружки... кружки...

Душой их стал могучий, жизнерадостный человек, умевший вдохновить и зажечь. Что это было за время?

Во главе революционного движения по-прежнему оставалась разночинная интеллигенция, почти не за-

мечавшая рабочего класса, хотя тот набирал силы и уже готовился выйти на историческую арену. Но час не пробил, и пока что России предстояло пережить особый этап разночинного движения. В начале 70-х годов передовая интеллигенция жадно потянулась к революционной теории.

1872—1876 годы, проведенные в Орловской губернии, для Заичневского были периодом активной просветительской деятельности.

Участники его кружков сестры Оловенниковы, Арцыбушев, Лаврова, Носкова, впоследствии видные революционеры, с благодарностью вспоминали упорную работу над книгой, расширявшую их кругозор. Читали произведения немецкого социалиста Лассалья, философа-позитивиста Спенсера, английского экономиста Милля с примечаниями Чернышевского и многое другое. Читали и «Капитал» Маркса. Заичневский комментировал прочитанное, а иногда сам выступал с докладами по политической экономии. Особое внимание уделялось истории французских революций, изучался опыт Парижской коммуны.

Полиция, зная многое, пока смотрела на все это сквозь пальцы. Заичневский теперь был очень осмотрителен. К тому же, как доносили, он всю критикувал «странствующих просветителей деревни». Видимо, начальство не потеряло надежду направить Заичневского в лоно умеренной «добропорядочности». Ему вернули права состояния, разрешили службу в земстве. Заичневский стал интересоваться местными делами, заводил обширные знакомства. Все это облегчало надзор явный и тайный. Казалось, чего еще? Но нет!

В один прекрасный день поднадзорный исчез. Словно канул в воду! Это случилось в начале декабря 1876 года. Сбитая с толку полиция рыскала по губернии до тех пор, пока из Петербурга не пришло секретное сообщение. Заичневского видели среди участников демонстрации 6 декабря у Казанского собора. Демонстрацию, разогнанную казаками, организовали руководители «Земли и воли». В другом сообщении указывалось, что 8 декабря Заичневский на

конспиративной квартире выступил с речью перед столичными революционерами.

— Довольно! — решает полиция.

И в начале 1877 года²⁷ Заичневский уже на севере, в Олонецкой губернии. Сперва крохотный Повенец, потом занесенный снегами Шенкурск. Глухомань не лучше сибирского Витима, и все же...

В Повенце среди ссыльных усилиями Заичневского организуется библиотека, налаживается доставка газет и журналов. В Шенкурске создается столовая, а при ней читальня. И везде, насколько позволяют обстоятельства, — пропаганда. И так до 1880 года. В олонецкой ссылке Заичневский напряженно следил за событиями.

...Среди землевольцев раскол. Многие, махнув рукой на народ, с бомбами в руках вышли на единоборство с царизмом. Заичневский — противник индивидуального террора. У него свое представление о методах борьбы.

Он просит начальство о возвращении в Орел. Но разрешена только Кострома. Там у него нет знакомств, город тихий, жители богомольные. Но Заичневский верен себе. Для него не существует «тихих» городов.

...Теплый летний вечер. Пароход из Нижнего давно у пристани, и поток приезжих успел рассеяться по глухим улицам и переулкам Костромы.

А Заичневский? Поглядев равнодушно на пассажиров, он поворачивается и не спеша идет вдоль прибрежной улицы. Возле дома с желтыми наличниками, почти не останавливаясь, закуривает трубку. Это сигнал: «Внимание! Следят». Спокойно продолжает путь. Пора домой. Жители Костромы ложатся спать рано. Все в порядке. Через два дня в доме с желтыми наличниками его будет ждать тайная почта и, может быть, чемоданы с нелегальной литературой. В Костроме Заичневский всего лишь полтора года, но за это время и здесь сумел он наладить свое дело.

Заичневского давно не узнать. Куда девалась беззаботная откровенность в словах и поступках? Как

скептически относился он, бывало, к осмотрительности Чернышевского, как презирал всякую осторожность! Теперь не то. Заичневский — умелый конспиратор. И не только практик. В его суждениях о революционной борьбе конспирации отведена почетная роль. Что проповедовал Заичневский?

Разгром «Земли и воли» 60-х годов, гонения и казнь изменили взгляды Заичневского. Бесстрашный сельский пропагандист, сторонник крестьянской революции, глашатай партии «вожаков народа» после возвращения из ссылки стал склоняться к заговорществу.

Представители главных народнических течений в 70-е годы и позднее не хотели признавать его «своим». Заичневский держался особняком в народничестве. Направление, которое он активно пропагандировал, вернувшись из ссылки, называли «русским якобинством». В основе его лежала та же народническая утопия общинного социализма. Специфическим был его взгляд на движущие силы революции, тактику и методы борьбы. Заичневский был «централистом», сторонником создания крайне централизованной и глубоко законспирированной партии, на которую в первую очередь возлагалась надежда в революции.

Многие мотивы «русского якобинства» перекликались с лозунгами прежней «Молодой России». Но сходство было лишь внешним. Со времен «Молодой России» в Заичневском произошла крутая перемена, и она была подмечена его учениками.

Современница Заичневского, его горячая последовательница Анна Можарова в своих воспоминаниях повествует о том, что Заичневский, вернувшись из Сибири, «проповедовал уже новую идею: систему централизации. Он говорил, что к этому привел его горький опыт, указывал, как проваливались целые кружки и погибали лучшие люди в тюрьмах и на казнях и как быстро росла гидра шпионства».

Итак, заговорщичество вместо массовых революционных действий. Народ нужен только для поддержки смелых инициаторов переворота. Заичневский

оставался до конца своих дней верен этому глубоко ошибочному направлению. Раскол «Земли и воли», поражение «Народной воли» толкали его к смелым решениям.

Везде, насколько позволяли условия, он создавал новые кружки, поддерживал связь со старыми учениками из других городов. Все это вылилось в конце концов в отчаянную попытку Заичневского привести свои планы в исполнение. Произошло это уже не в Костроме.

...Февраль 1889 года. Глухой ночью по тихим московским переулкам шагают двое. Оба атлетического сложения. Один из них помоложе. Это «дядя Гиляй» — писатель Владимир Гиляровский, человек с романтическим прошлым, знаток старины и московских трущоб. Он ведет своего спутника в район Хитрова рынка. Кругом мертвая тишина. Но вдруг... Мерный стук десятков сапог. Позади, вынырнув с Солянки, настигает взвод городских.

— Не бойся, Петр Григорьевич, шагай смелее! — шепчет «дядя Гиляй». Но, кажется, поздно. Из всех углов появляются городовые, взвод за взводом. Они оцепляют кварталы легендарных трущоб, притонов московских жуликов. Облава!

— Черт знает... Это уже хуже! — бормочет, оглядываясь, Заичневский. Но «дядя Гиляй» не зря годами изучал кварталы нищеты. Он знает каждый проходной двор.

— Слышите, как гремит железо на крышах? — улыбается он. — Это «серьезные элементы» спасаются от полиции.

Через несколько минут путники в безопасности.

— Здорово выкрутились! — смеялся Заичневский на другой день в компании друзей. А до смеху ли было? Друзья понимали, что «якобинец» был на волоске от тюрьмы.

Ночная прогулка по Москве не имела серьезного характера. Гиляровский просто хотел показать Заичневскому притоны московских босяков. А у того была другая цель. В Москву он приехал тайком, чтобы организовать боевые группы революционной молоде-

Карикатура на мировых посредниках из сатирического журнала «Искра»

жи и офицерства. Еще в 1885 году он добился разрешения вернуться в Орел. В течение нескольких лет он развил самую активную деятельность. За это время были восстановлены прежние связи. Отовсюду слетались старые ученики. Созданы новые кружки в Орле, Курске, Смоленске, а затем и в Москве.

Во главе орловских кружков стоят Русановы, брат и сестра. Вместе с ними работает Мария Голубева, костромская ученица Заичневского. В Курске создан активный революционный кружок молодежи во главе с Арцыбушевым. Он уже готовит подпольную типографию. Не хуже обстоит дело в Смоленске. Там активную роль играют С. Середя, П. Лобза, Н. Добровольский. Заведена маленькая типография, и изданы первые листовки от имени «исполнительного комитета» для сбора денег в пользу пострадавших от насилий русского правительства.

Заичневский не знает покоя.

Он пропагандирует, конспирирует, организует. Кажется, не напрасно старался он долгие годы, создавая кружки. Теперь у него есть единомышленники в разных городах. Настало время их объединить, создать прочную организацию, охватывающую крупные центры России.

И вот снова провал! В марте 1889 года был арестован юнкер Романов. При обыске жандармы нашли письмо Аделаиды Романовой к брату. В письме упоминалось имя Заичневского.

Вожак за решеткой. Аресты... аресты... В Орле, Курске, Смоленске и Москве схвачено около пятидесяти человек. Новый процесс. Судят «якобинцев».

После двухлетнего заточения Заичневского ссылают в Восточную Сибирь. На всем пути следования пересыльные тюрьмы полны арестантов. Кандальный звон слышен по всему бесконечному «тракту»...

Шли годы. Время серебрило виски ветеранов-«шестидесятников». Уже отгремела слава революционеров 70-х годов. На смену поднималось новое поколение, незнакомое Заичневскому.

Россия неудержимо двигалась по пути капиталистического развития. На арену истории смело вышел

могущественный революционный класс. В практику революционной борьбы он внес свои, пролетарские методы, а в идейную жизнь страны — новое всесильное учение — марксизм. Приближалась пора крушения эксплуататорского строя. Но Заичневский так и не понял марксизма, хотя был знаком с «Капиталом» и другими произведениями великих основоположников научного коммунизма. В своем мировоззрении он оставался на позициях народничества, верным своему «якобинскому» направлению.

...В Иркутске, куда его сослали теперь, обстановка куда легче, чем тридцать лет назад. Заичневскому дозволена даже литературная работа. Он не сидит сложа руки. Сотрудничает в газете «Восточное обозрение» — органе, находящемся под влиянием сибирских областников. Заичневскому поручен иностранный отдел. Областники — умеренные буржуазные реформисты, сторонники мирного культурничества — ратуют за автономию Сибири. Им не по нутру революционные настроения нового сотрудника. А тот, не обращая внимания на укоризненные намеки, заполняет целые полосы обзорами рабочего движения за границей. Но душа рвется в Центральную Россию. Только там простор для дела.

В начале 1895 года он снова пересекает Урал с востока на запад. Ссылка кончилась. Заичневский вернулся в Россию надломленным, усталым. Но до конца остался верным себе мужественный революционер. Местом жительства ему был назначен Смоленск. Уже в феврале 1895 года он выступил на конспиративном собрании с докладом об анархизме. Докладчик резко осудил это вредное течение.

На другой день после доклада Заичневский тяжело заболел. С постели ему уже не суждено было подняться. Организм не вынес многолетней напряженной работы. 19 марта 1896 года оборвалась беспоконья, боевая жизнь.

В памяти современников и последующих поколений сохранился образ несгибаемого борца против крепостничества и монархии, неутомимого просветителя, обаятельного человека. В мировоззрении За-

ичневского мы видим немало заблуждений. Проповедь «якобинства» не сыграла существенной роли в русском освободительном движении и не увлекла интеллигенцию. Жадные поиски революционной теории не привели Заичневского на правильный путь.

Но велика роль Заичневского как революционно-просветителя. В кружках Заичневского широко изучалась революционная литература всех направлений, в том числе марксистская. Немало учеников Заичневского ушло в организации народников-пропагандистов, а лучшая часть их перешла в ряды революционной социал-демократии.

Самой светлой порой деятельности Заичневского были 50—60-е годы. В то время мировоззрение молодого революционера находилось в русле самого передового для России движения, руководимого Чернышевским. Боевой клич «Молодой России» при всех тактических недостатках прозвучал как смелый зов на борьбу против крепостного и монархического гнета. Он отразил думы и чаяния всего лагеря революции.

Долгое время даже среди революционеров не было известно имя авторов знаменитого манифеста. Только в 1889 году Заичневский, отвечая на письмо одного из знакомых, раскрыл тайну:

«Молодую Россию» писал я и мои товарищи по заключению. Припомнить долю участия каждого не берусь — написал аз многогрешный, прочел, выправили общими силами, прогладили и отправили для напечатания через часового...»

Заичневский ушел из жизни, полный веры в светлое будущее своей родины. При нем «не удалось» восстание.

Через двадцать один год после его смерти, свергнув власть помещиков и капиталистов, рабочий класс разрушил до основания государство эксплуататоров.

Руки рабочих, завоевавших власть в России, разобрали кирпич за кирпичом ветхое здание ненавистной Тверской полицейской части, где сто лет назад

томился Заичневский и откуда он выпустил в свет «Молодую Россию».

В годы первой пятилетки на это место пришли люди нового поколения. Сильные руки строителей воздвигли здесь большое здание. В нем бережно хранится богатое документальное наследие основоположников научного коммунизма. Среди хранящихся здесь материалов — брошюра, написанная в 1873 году К. Марксом и Ф. Энгельсом, «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». В ней дана высокая оценка «Молодой России».

«Этот манифест, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий и условий печати и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции. Он призывал всех серьезных людей сплотиться вокруг радикального знамени»¹.

Москва. Советская площадь. Здание Института марксизма-ленинизма. Остановитесь у памятного места. Сто лет назад здесь были написаны и облетели страну пророческие слова о России, которой «вышло на долю первой осуществить великое дело социализма».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 18, стр. 433.

